

Так слуга поедет да гороховеник купит.
 И таков-то я, господа, бывал,
 Што много у себя и крестьян видал.
 А мой-та были крестьяне
 Все лесные палзуны.
 Целу я их вотчину имел,
 А заехать к ним никогда не смел,
 Понеже оне в дальном расстоянии стали,
 Воистинну меня не знали.
 Куда платье-та у меня не скудно.
 Вчера прибежало на Москве-реке судно
 Все [с] сертуками,
 Сиречь с соляными кулями.
 А вот боло, батюшки, сшил я себе сертук,
 Да надеватца-та туг,
 Так только на нево поглядел,
 А слуга мой, каналья, и надел.
 Ему, батюшки, пришел в пору.
 Куда не мало ж у нас было збору.
 А празднишной мой мундир,
 На котором три тысячи сорок дир,
 Башмачки на мне новы,
 Только пяты голы.
 А вот у меня золотые пряжки,
 Только я бы поел орженой кашки.
 Бывало, как я сяду есть,
 Ан и хлеба в честь.
 А я слугам говорю: подавайте кушать!
 Они, канальи, погегут по подоконью слушать,
 А там што-нибудь попросят,
 А всякой на стол мне носят.
 Так я за то на них закричу,
 Воистинну иногда и так прогложу.
 А такое-то усов кушанье бывало,
 Што иному за один глоток мало,
 А имянно:
 От студеных —
 С уксусом солому,
 А поевши отдать иному,
 А из жерких —
 Кишица колотка
 Да лука солотка,
 Сиречь лягушка, рябчик с пухом з духом,
 Да яичка з духом, сиречь болтун,
 Курочка вороная,
 Да кокушечка дворная,
 Сиречь воробей.
 Так и полно есть
 И [*неразборчиво*] хлеба в честь
 Право бы поел,
 Лишь бы где изобрел
 Печенова теста,
 Забавы место,
 Хотя б было не воложно,